

приход большевиков к власти. Тем не менее взгляд на корниловский мятеж как на реально существовавшую альтернативу большевикам не нашел широкой поддержки в трудах русской эмиграции.

Анализ взглядов представителей различных политических течений показывает, что если вывод о неизбежности падения царского режима и целесообразности установления демократической республики в 1917 г. признавался практически всеми, то в вопросе о причинах и виновниках поражения демократической альтернативы непосредственно в ходе самой революции их мнения заметно расходились. Все без исключения авторы соглашались с тем, что спасение страны заключалось в неотложном решении социальных, экономических и внешнеполитических задач. Однако возможности их решения непосредственно связывались с необходимостью создания сильной власти, пользующейся доверием в народе.

Р. А. Насибуллин

Февральская революция 1917 г. в России в исследовании Г. М. Каткова

В 2006 г. на русском языке было издано фундаментальное исследование русского историка, эмигранта, профессора Оксфордского университета Георгия Михайловича Каткова (1903 — 1985) «Февральская революция», которое было опубликовано в конце 1960-х годов¹. Спустя почти 40 лет после выхода книги она остается непревзойденной по глубине исследования узловых проблем и актуальности научных результатов.

Г. М. Катков признавал, что нередко следовал концепции известного историка русской революции С. П. Мельгунова (1879 — 1956). По его оценке, «труды С. П. Мельгунова»², опубликованные

¹ См.: Катков Г. М. Февральская революция / Пер. с англ. Л. А. Игоревского. — М., 2006. Дальнейшие ссылки даются по этому изданию. Первое переиздание: Катков Г. М. Февральская революция. — М., 1997.

² См.: Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту: заговоры перед революцией 1917 г. — Париж, 1931; Он же. «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции. — Париж, 1940; Он же. Судьба императора Николая II после отречения. — Париж, 1951; Он же. Как большевики захватили власть: Октябрьский переворот 1917 г. — Париж, 1955; Он же. Мартовские дни 1917 года. — Париж, 1956; Он же. Легенда о сепаратном мире. — Париж, 1957. В последнее время переизданы следующие работы Мельгунова: 1) На путях к дворцовому перевороту. — М., 2003; 2) Как большевики захватили власть. «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции. — М., 2005; 3) Легенда о сепаратном мире. Канун революции. — М., 2006; 4) Мартовские дни 1917 года. — М., 2006; 5) Судьба императора Николая II после отречения. — М., 2006.

на русском языке им самим или его вдовой, представляют собой первую попытку научного исследования периода, отображаемого в настоящей работе. Я нашел особенно полезной мельгуновскую оценку многотомных мемуаров, с которыми он познакомился. Атмосфера гетевского «Вымысла и Правды», превалирующая в большинстве мемуаров, редко способна выдержать серьезное испытание аналитическим умом Мельгунова»¹. Будущие исследователи Февральской революции не могут не отталкиваться от работ С. П. Мельгунова, Г. М. Каткова.

Февральская революция 1917 г. в России «подвергалась неосознанному искажению и преднамеренной фальсификации больше, чем какое-либо другое событие новейшей истории», — справедливо отмечал Г. М. Катков². Поэтому автор поставил своей задачей «предпринять тщательное изучение не исследованных до сих пор аспектов русской революции. Он надеется пролить немного света на ряд запутанных вопросов и показать, как осторожно следует относиться ко многим устоявшимся и документированным для правдоподобия мифам, которые, к сожалению, сопровождают «объективное» написание истории»³.

Работа делится на три части. В первой части рассматриваются некоторые особенности политической обстановки в годы Первой мировой войны накануне Февральской революции, как-то: деятельность либеральных партий и организаций, революционных и социалистических партий, состояние армии, еврейский вопрос, вмешательство Германии. Вторая часть посвящена определенным событиям из истории России в период Первой мировой войны, которые, по мнению автора, исключительно важны для понимания Февральской революции и отражают кризис российского образованного общества накануне революции, как-то: дело полковника Мясоедова, казненного якобы за измену, раскол в правительстве, клеветническая и заговорщическая деятельность либерально-масонской интеллигенции. В третьей части излагаются события Февральской революции с 23 февраля до 3 марта 1917 г.

По оценке Г. М. Каткова, Февральская революция не была стихийным выступлением большинства населения, озлобленного тяготами войны. Она произошла в Петрограде (причем мятеж поднялся среди не более 7% населения Петрограда из 2,5 млн. чел. и 5% войск — 10 тыс. из 200 тыс. гарнизона), армия, провинция, крестьянство остались спокойны. Падение монархии было полной

¹ Катков Г. М. Февральская революция. С. 459.

² Там же. — С. 7.

³ Там же. — С. 10.

неожиданностью для всей России, крестьянское большинство которой (80%) не утратило монархических представлений, не было подготовлено к утрате царского строя, а было поставлено перед свершившимся необратимым фактом двойного отречения, но в то же время и защищать монархию не оказалось подготовленным. Политические партии — революционные — эсеры, меньшевики, большевики, а тем более либеральные не участвовали в непосредственной организации массовых беспорядков и мятежа части Петроградского гарнизона 23 — 27 февраля, в совершении революции ни одна из революционных партий не проявила себя.

В Петрограде не было не только голода, но и подлинного недостатка хлеба, были только очереди за хлебом, не было карточек, ограничений по количеству приобретаемого хлеба, был только слух, что хлеб скоро кончится, а решившийся успех восстания гарнизон и вовсе не испытывал недостатка в хлебе. А. И. Солженицын писал, что «никакой голод не вызывает революции, если поддерживается национальный подъем или чекистский террор, или то и другое вместе. Но в феврале 1917 не было ни того, ни другого — и хлеб подай!»¹. Голодные люди борются за выживание, а не за смену власти.

Г. М. Катков предполагал, что волнения в феврале 1917 г. в Петрограде подготовили немецкие агенты и немецкие деньги: «Возможно, мы еще не достигли уровня знаний, позволяющего дать правдивое объяснение событий. Но это вовсе не обязывает нас прикрывать свое незнание разговорами о «спонтанном стихийном движении» или рассуждениями о том, что «терпение рабочих достигло точки кипения...»... Массовое движение такого масштаба и такой силы не могло произойти без влияния какой-то руководящей силы»². О лозунгах демонстрантов один из рабочих мрачно сказал: «То, чего они хотят, заключается в обеспечении хлеба, мира с немцами и равных прав для евреев». При этом он «не приписывал авторство этих лозунгов лично себе или ему подобным, но относил его к неким таинственным «они»³. 27 февраля произошел мятеж Петроградского гарнизона, большинство которого состояло из мобилизованных, необученных, недисциплинированных новобранцев, а 28 февраля произошло крушение царского правительства.

¹ Солженицын А. И. Размышления над Февральской революцией (1980 — 1983) // Солженицын А. И. Публицистика: В 3 т. — Т. 1: Статьи и речи. — Ярославль, 1995. — С. 462.

² Катков Г. М. Февральская революция. — С. 273, 446.

³ Там же. — С. 285.

Народное восстание и мятеж Петроградского гарнизона привели к почти бескровному падению монархии лишь потому, что, как справедливо указывает вслед за Э. Карром Г. М. Катков, либеральные круги решили воспользоваться ими, чтобы достичь своей цели прихода к власти¹. Не только слабость царской власти, но и нетерпение и безответственность образованного общества привели к конфликту власти, правительства с большинством интеллигенции. Большинство образованного общества утратило чувство национальной солидарности, руководствовалось в условиях мировой войны не национальными, а партийными интересами, ставя цель — отнять власть у императора.

Основной причиной изменения самодержавно-бюрократического строя России в 1905 — 1907 гг. и падения самодержавно-представительной монархии в 1917 г. явилось то, что монархия утратила легитимность, перестала соответствовать настроениям большинства русской интеллигенции, исповедовавшей либеральные или социалистические взгляды, а консервативно-национальная интеллигенция, которая выступала за самодержавие с законсовещательным народным представительством, была явно в меньшинстве. Эти слои перестали поддерживать монархию, ряды ее убежденных сторонников таяли, в конце концов даже командующие фронтами перестали выполнять ее приказы, хотя они и считали, что участвуют в спасении династии и монархии. Борьбу за власть ведет имущее и образованное меньшинство, а народные массы, занятые физическим трудом, не стремящиеся к власти и политической свободе, могут служить лишь орудием для этой борьбы.

Революции 1905 и 1917 гг., как справедливо отмечал консервативный мыслитель И. Л. Солоневич, сделала главным образом «второсортная русская интеллигенция». «Именно второсортная, — подчеркивал он. — Ни Ф. Достоевский, ни Д. Менделеев, ни И. Павлов, никто из русских первого сорта при всем их критическом отношении к отдельным частям русской жизни — революции не хотел и революции не делал. Революцию делали писатели второго сорта — вроде Горького, историки третьего сорта — вроде Милюкова, адвокаты четвертого сорта — вроде А. Керенского. Делала революцию почти безымянная масса русской гуманитарной профессуры, которая с университетских кафедр вдалбливала русскому сознанию мысль о том, что с научной точки зрения революция спасительна. Подпольная деятельность революционных партий опиралась на этот массив почти что безымянных профессоров.

---

¹ Там же. — С. 447.

Жаль, что на Красной площади рядом с Мавзолеем Ильича не стоит памятник неизвестному профессору!»¹.

Либеральная интеллигенция проповедовала, что самодержавие как форма правления исторически себя изжило и обречено в России на исчезновение (как это было в странах Запада). Либералы полагали, что по какому-то неумолимому закону истории российское общество после 1905 г. перейдет от самодержавия к конституционной монархии, где власть получат образованные представители имущих классов, а затем, в процессе постепенной демократизации, власть станет властью всего народа.

«Опыт советского режима за последние пятьдесят лет (1917 — 1967) показал, что нет никаких оснований ни для аналогий с западными монархиями, ни для веры в то, что самодержавие в России устарело, поскольку самодержавие сохранилось вопреки революции. Сам факт, что после 1917 года страной многие годы почти самовластно правили три человека, совершенно разные по характерам и биографиям (Ленин, Сталин, Хрущев. — Р. Н.), просто подтверждает мнение, что есть глубокие причины того, почему политический контроль одного человека легко устанавливается и сохраняется в России»². Геополитические, природно-климатические, этнические, психологические предпосылки предопределяют существование в России сильной авторитарной власти. Очевидно, что и современная Россия по объективным причинам фактически является самодержавным, авторитарным государством с сильной властью президента «всяя Руси».

Российская интеллигенция не имела достаточного опыта социального зла. «Утопия гражданских и политических прав, будто бы возможных только без самодержавия, захватила умы, не имевшие достаточного опыта социального зла»³. Этот опыт она приобрела дорогой ценой в период революции, гражданской войны, большевистского тоталитаризма, эмиграции. В результате некоторые представители интеллигенции перешли на национально-консервативные позиции.

Свою борьбу за власть во время войны с монархией либералы прикрывали патриотическими утверждениями о том, что монархия ведет страну к военной катастрофе не только из-за своей неспо-

---

¹ Солоневич И. Великая фальшивка Февраля // Солоневич И. Наша страна. XX век. — М., 2001. — С. 222. — Цит. по: Брачев В. С. Масоны у власти. — М., 2006. — С. 628.

² Катков Г. М. Февральская революция. — С. 448.

³ Кольев А. Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. — М., 2005. — С. 520.

способности к эффективному управлению, но и порочного нежелания или нерешительности добиваться победы. Либералы распространяли клевету о всесиилии Распутина, об измене в высших сферах, о подготовке позорного сепаратного мира могущественной кликой прогерманских «темных сил» в окружении царя и царицы, об участии царицы — немки в предательских происках прогерманских сил¹. Отсюда следовал патриотический вывод о необходимости смены царя для победы в войне. Дискредитация монархии либералами прокладывала путь успеху восстания и принятия страной падения монархии. Военный мятеж в Петрограде был в значительной степени обязан своим успехом колебаниям находившихся под влиянием антиправительственной агитации офицеров и их отсутствию в казармах в ответственный момент².

Либералы, чьим политическим чаяниям способствовали одно время временные неудачи русской армии в войне, начали терять почву под ногами. Если бы победа в войне, с помощью союзников, была достигнута в 1917 г., все надежды либералов на приход к власти потерпели бы поражение³. Стратегическая победа над Германией к февралю 1917 г. была уже обеспечена, ибо Германия была истощена войной на два фронта и союзники без участия России добились победы над Германией в ноябре 1918 г., а с участием семимиллионной русской армии эта победа была бы достигнута ранее.

С. П. Мельгунов правильно пишет: «Успех революции, как показал весь исторический опыт, всегда зависит не столько от силы взрыва, сколько от слабости сопротивления»⁴. А. И. Солженицын, сравнив поражения 1914 — 1915 и 1941 — 1942 гг., отмечает: «Советское отступление 1941 — 42 года было тридцатикратным, утеряна была не Польша, но вся Белоруссия, Украина и Россия до Москвы и Волги, и потери убитыми и пленными — двадцатикратны, и несравненен голод повсюду и вместе с тем заводское и сельское напряжение, народная усталость, и еще более ничтожны министры, и уж конечно несравненно подавление свобод, — но именно потому, что власть не продрогла в безжалостности, что и в голову никому бы ни пришло заикнуться о недоверии правитель-

¹ Несостоятельность легенды о сепаратном мире убедительно доказана С. П. Мельгуновым в монографии «Легенда о сепаратном мире. Канун революции».

² См.: Катков Г. М. Февральская революция. — С. 445, 306–307.

³ См.: Там же. — С. 444, 450.

⁴ Цит. по: Солженицын А. И. Размышления над Февральской революцией (1980 — 1983). — С. 467.

ству, — это катастрофическое отступление и вымирание не привело ни к какой революции»¹. Он отмечает, что у Царя и царского правительства было два пути, совершенно исключавших революцию: сопротивляться или уступать: «Очевидно, у власти было два пути, совершенно исключавших революцию. Или — подавление, сколько-нибудь последовательное и жестокое (как мы его теперь узнали), — на это царская власть была не способна прежде всего морально, она не могла поставить себе такой задачи. Или — деятельное, неутомимое реформирование всего устаревшего и не соответственного. На это власть тоже была неспособна — по дремоте, по неосознанию, по боязни. И она потекла средним, самым губительным путем: при крайнем ненавистном ожесточении общества — и не давить, и не разрешать, но лежать поперек косным препятствием»².

Более верным представляется мнение С. П. Мельгунова: «Не-нормальные условия военного времени требовали «диктатуры», в форму которой выливалось управление в Западной Европе даже искони демократических стран. Но там диктатура появилась как бы с согласия общественности, в России таковая могла быть только диктатурой наперекор общественности. Так создался порядок, при котором условия военного времени, наперекор всем жизненным требованиям, создали «обстановку полного бессилия» власти. Это «бессилие власти» и было «причиной того, что умеренные элементы... пошли на революционный переворот», — признает историк (П. Н. Милюков. — Н. Р.), пытавшийся в свое время в качестве активного политика создавшийся порядок объяснить «глу-постью» или «изменой»³.

Непосредственной причиной падения монархии в России явилась невозможность установления национальной диктатуры, слабость царской власти, утрата царем и правящей бюрократией в значительной мере способности к власти, способности приказывать. Об этом писали такие разные политики, как министр внутренних дел П. Н. Дурново, бывший марксист П. Б. Струве и др.

Лидер правых в Государственном совете П. Н. Дурново в своей речи 19 июля 1915 г. сказал: «Корень зла... в том, что мы боимся приказывать. Боялись приказывать, и вместо того, чтобы распоряжаться, писались циркуляры, издавались бесчисленные законы, а власть, которая не любит слабых помещений, тем временем

¹ Там же. — С. 498.

² Там же. — С. 499.

³ Мельгунов С. П. Легенда о сепаратном мире. Канун революции. — М., 2006. — С. 567–568.

улетучивалась в поисках более крепких оболочек, которые и находила там, где ей совсем не место. Между тем мы были обязаны твердо помнить, что в России еще можно и должно приказывать и Русский Государь может повелеть все, что по Его Высшему разумению полезно и необходимо для его народа, и никто, не только неграмотный, но и грамотный, не дерзнет его ослушаться. Послушаются не только Царского повеления, но и повеления того, кого Царь на то уполномочит»¹.

Аналогично было мнение бывшего соратника В. И. Ленина, либерала, а в эмиграции консерватора, П. Б. Струве. В 1934 г., во время дискуссии, Струве заявил, что у него есть лишь один повод для критики последнего Императора Николая II, а именно, что тот был слишком мягок с революционерами, которых ему следовало бы «безжалостно уничтожать». Когда Струве спросили, не считает ли он, что и его следовало бы уничтожить, тот ответил: «Да, и меня первого! Именно так! Как только какой-нибудь революционер поднимал голову — бац! — прикладом по черепу»².

Г. М. Катков отмечает, что новый элемент в борьбу либералов и правительства внесло постепенное подключение к ней представителей Верховного командования, главным образом командующих фронтами. Всю войну генералы скрупулезно воздерживались от политики. Они сопротивлялись попыткам втянуть их в борьбу между правительством и либералами. Поражения и отступления 1915 г. убедили военачальников в том, что механизм снабжения армии ненадежен и что его легко вывести из строя в случае дальнейшего ухудшения внутривойсковой обстановки. Из ряда заявлений по этому вопросу командующих фронтами можно смело предположить, то в целом они были против политических и конституционных перемен в военное время. В то же время генералы, конечно, полагали, что, если такие перемены станут неизбежными, следует сделать все возможное, чтобы они прошли гладко, без срывов производства и поставок вооружений и боеприпасов, продовольствия и фуража, а также дезорганизации железнодорожного транспорта, от безупречной работы которого в огромной мере зависела боеспособность армии. Начальник штаба М. Алексеев знал о либерально-масонском заговоре А. Гучкова, имевшем целью свержение Николая II, но предпочитал воздерживаться от контрмер до достижения победы над Германией и ее союзниками. Ему

¹ Бородин А. П. П. Н. Дурново: портрет царского сановника // Отеч. история. — 2000. — № 3. — С. 56.

² Фомин С. В. Джорданвилльский отшельник // Архимандрит Константин (Зайцев). Чудо русской истории. — М., 2000. — С. 11–12.

казалось, что аресты и суды над представителями либеральной оппозиции по обвинению в мятеже, несомненно, оказали бы неблагоприятное воздействие на производство вооружений и поставки в действующую армию.

После того как в Петрограде начались беспорядки, председатель Думы М. В. Родзянко без труда убедил командующих фронтами в том, что царское правительство не может справиться с ситуацией. Но 1 марта Родзянко попытался (и тоже не без успеха) заставить их поверить, что если бы им удалось уговорить царя отречься, то думский комитет взял бы ситуацию под контроль и навел бы порядок в течение нескольких дней. Генералы не знали о том, что в столице анархия, а Дума не контролирует ситуацию. В результате все командующие армиями и флотами поддержали требование Думы об отречении царя, хотя надежные дивизии для подавления петроградского мятежа существовали, но их в Петроград не пустила Ставка (Алексеев). Утром 3 марта Родзянко передал Ставке свою просьбу не публиковать манифест от 2 марта, провозглашающий отречение Николая II и назначение преемником Михаила, и умолчал о переговорах об отречении Михаила. К концу дня 3 марта генералы узнали об отречении Михаила. Это двойное отречение поставило генералов перед свершившимся фактом конца династии.

Таким образом, концепция Г. М. Каткова позволяет лучше понять обстановку, в которой совершалась Февральская революция, и причины, которые ее вызвали к жизни.

Л. Я. Баранова

К вопросу об изучении материалов Февральской революции в курсе «Отечественной истории» в высшей школе

События 1917 г. настолько значимы в отечественной и мировой истории, что проигнорировать их просто было невозможно ни в советский период, ни на современном этапе. Описание и трактовка революционных событий тех лет стали лакмусовой бумажкой для определения политических взглядов историков, важным штрихом в характеристике многих исторических периодов в развитии нашей страны. По мере изменения политической, социально-экономической ситуации в СССР и в России менялись подхо-